

Под этой рубрикой в «Вечернем клубе» были опубликованы заметки о любимых женщинах Владимира Маяковского — о Лиле Брик, Татьяне Яковлевой, Веронике Полонской... Но были в жизни Владимира Владимировича и другие, о которых широкий читатель мало что знает, но общение с которыми было дорого поэту. Об одной из них наш рассказ.

конеч, я Вас опять встретил». И они уже не смогли расстаться, и «было восемь месяцев счастья», вспоминала Евгения Александровна, и ее стремительный разрыв с мужем, который от-

встретились... И я сразу с места в карьер: «Знаешь, я уезжаю за границу, и не могла уехать, все-таки не по-видам тебя». — «Я тебя не отпущу». — «Ну, об этом поздно говорить. Я решила

Это подтверждают многочисленные документальные свидетельства, хранящиеся в фонде Е. А. Ланг в Музее В. Маяковского. Уже на склоне лет в 1960 г. она писала Л. В. Маяковской из Парижа:

«В(ладими)р В(ладимирови)ч называл меня своим «отдыхом», он говорил: «Ты не можешь себе представить, насколько все становится легким, когда говоришь с тобой. С тобой не страшно сумерки». (Часто он это повторял... Да, я думаю, что то, что он называл своей «большой» и «навсегда» любовью ко мне, была, в сущности, очень глубокая дружба, что, пожалуй, куда ценней!).»

Упоминаний о Е. А. Ланг вы не встретите на страницах полного собрания сочинений В. Маяковского, как нет там и фамилии, скажем, Антонины Гумилиной или Патриции Томпсон, или Я. С. Агранова, и еще многих его друзей и врагов, чьи роли в судьбе поэта, по разным причинам замалчивались. Его жизнь была намного богаче и сложнее, чем наши представления о ней, и полное жизнеописание В. Маяковского, если такое вообще возможно, еще впереди.

...Говорят, Женечка Ланг была большой фантазеркой. Возможно. Но звучит в ее письмах, дневниках, заметках живая память сердца, и слушая ее, невольно веришь, что Маяковский действительно «умел давать счастье», был искренним и щедрым в любви и дружбе.

Перед вами — фрагмент воспоминаний Е. А. Ланг, записанный В. В. Дувакиным в 1969 году. Более подробный рассказ о ней предполагает-ся опубликовать в журнале «Человек».

Ольга ЗЕМЛЯКОВА,
Музей В. В. Маяковского;
Валентина ТЕЙДЕР,
Отдел фотодокументации
научной библиотеки МГУ.

«Женечка Ланг, наконец, я Вас опять встретил!»

Имя Евгении Александровны Ланг (1890—1973) сегодня мало кому знакомо. Девочка из интеллигентной московской семьи, художница, прелестная женщина, она прожила долгую интересную жизнь (большая часть которой прошла за рубежом: в Германии, Италии, Франции), хорошо знала русскую эмигрантскую среду, участвовала в художественных выставках, но в душе берегла память о России и мечтала вернуться на родину. В 1959 г. по приглашению Людмилы Владимировны Маяковской, сестры поэта, она впервые после долгого перерыва приехала в Москву, а в 1961 г. вернулась совсем.

Приглашение не было случайным: в ранней юности Женя Ланг и будущий поэт участвовали в создании нелегального журнала «Порыв». «В редакцию, — вспоминает Е. А. Ланг, — приходил длинный скромный мальчик и называл себя «товарищем Константином». Передавал какие-то зажигательные статьи, но никаких разговоров мы не вели. Я себя считала тогда взрослой, была членом редакционной комиссии и с сотрудниками в большие разговоры не вступала».

«Товарищ Константин» тоже хорошо запомнил это время. Впоследствии он напишет: «Третья гимназия издавала нелегальный журналчик «Порыв». Обиделся. Другие пишут, а я не могу? Стал скрипеть. Получилось невероятно революционно и в такой же степени безобразно... Не помню ни строки. Написал второе. Вышло лирично. Не считая такое состояние сердца совместимым с моим «социалистическим достоинством», бросил вовсе», — это из авто-

биографии «Я сам» В. Маяковского. Молодому революционеру в те годы было не до лирики. Впереди — аресты и почти год тюрьмы. «11 бутырских месяцев» не прошли даром: изучив почти всю имевшуюся там новейшую литературу, он выходит на свободу с твердым намерением: «Хочу делать социалистическое искусство» и поначалу пробует свои силы как художник в студии П. И. Келина.

Судьба готовила ему сюрприз: в этой же студии занималась живописью и Женечка Ланг, строгий редактор из журнала «Порыв». Так, спустя три года они встретились вновь 24 ноября 1911 года на похоронах В. Серова.

Зима 1911/12 года прошла в разговорах о творчестве, о смысле жизни и бессмертии души, а затем пути их опять ненадолго разошлись: Е. А. Ланг вышла замуж, Маяковский же с головой окунулся в поэтическую работу, а в июле 1915 года встретил Л. Ю. Брик.

Чему быть, того не миновать. Вероятно, в конце 1917 г., выступая на вечере в Политехническом музее, он среди слушателей увидел давнюю знакомую. Дождавшись, когда схлынет толпа, Маяковский подошел к ней и «просто», как и раньше, сказал: «Женечка Ланг, на-

несся к этому неожиданно снисходительно: «Останемся друзьями. Это увлечение долго не продлится. За ураган замуж не выйдешь... Однако Женечка Ланг была человеком решительным и не терпела в отношениях неясности. Такой же определенности она ждала и от Маяковского, а ему это было нелегко.

И тогда она принимает решение уехать за границу, и никогда больше не встречаться с поэтом.

Была весна 1919 года. Перед отъездом «сердце все-таки не выдержало, и я решила с Маяковским проститься. Я ему позвонила по телефону. Он очень обрадовался. Я говорю: «Володя, мне нужно с тобой поговорить. Давай встретимся». Чудесный майский день был. Я не хотела к нему идти, потому что боялась расчувствоваться, расплакаться, и говорю: «На улице встретимся». — «Хорошо, хорошо, я выйду тебе навстречу». И мы

ехали, потому что здесь мне дороги больше нету. Я знаю, что нам встречаться не нужно, у тебя — Брики, ты выбор сделал. А я поеду и буду художником. Я выбрала свою профессию. Он очень уговаривал и даже сказал такую фразу: «А что я буду делать — Москва без тебя опустеет». Долго мы стояли на углу и разговаривали. И в конце концов он опустил голову и сказал: «Ну, знаешь, я, пожалуй, буду спокойней, когда ты уедешь». И тут я сказала: «Володя, я прощаюсь по-настоящему. Если мы с тобой встретимся, а мы с тобой наверное встретимся когда-нибудь, я не буду ни разговаривать, ни перемывать старое. Вот теперь, теперь мы прощаемся». Так я и сделала».

Слово свое она сдержала. Маяковский, будучи за рубежом, не раз пытался поговорить с ней, но она была непреклонна, хотя воспоминания об этих встречах бережно хранила всю жизнь.

Евгения Ланг*

...Это было осенью 1911 года. Я занималась тогда живописью в студии Петра Келина. И вот как-то я пришла в студию и нашла там всех в необычайно горестном состоянии: умер Серов. И мы, конечно, в этот день не работали, а на следующий день сговаривались идти на похороны**.

...Народу было уйма. Были представители Большого театра, Университета, кого только не было. Шествие продолжалось весь день, до сумерек. Прямо за гробом очень стройными черными рядами шли ученики Школы живописи и ваяния. И среди них шел, очевидно, и Маяковский. Мы шли сзади всех. Подошли к Даниловскому монастырю. Стал моросить холодный снежок. Как сейчас помню: все было такое белое и черное. Белый снег, белые кресты, белые березки и на всем этом были серые силуэты людей. Смеркалось. У могилы была вдова Серова под черным креповым вуалем. И начались речи. Ну, говорили все очень почтенные господа, держа под мышками бобровые шапки. Были хорошо построенные академические речи — опытные ораторы говорили... — и от газет и от учреждений. Там вообще был весь культурный мир Москвы.

И самым последним выступил молодой человек. Очень высокого роста, в холдном стареньком черном пальто и с каким-то очень скромным фетром под мышкой. И вся его речь была про-

никнута глубоким горем от этой потери, но также и надеждой на будущее, что «мы возьмем его зная искусства и понесем». Я была поражена этой речью. Прекрасный голос, прекрасное построение речи, прекрасное построение мысли. Была такая тишина, что слышен был буквально малейший шорох в деревьях. И когда он кончил, был момент затишья. И вдруг пошел шепот. Люди спрашивали: «Кто это? Кто это? Кто это говорил?». И тогда скрипучий резкий голос Бурлюка*** сказал: «Речь говорил представитель учеников Школы живописи, ваяния и зодчества Владимир Маяковский».

Все были поражены. Прямо точно вот открылось новое явление, новая звезда. Я увидела, как Келин подошел к Маяковскому и сказал: «Маяковский, я благодарю вас за эту речь». А Маяковский со свойственной ему дерзостью сказал: «Вам-то чего благодарить? Вот когда мы вас хоронить будем, тогда поблагодарите». Сильно смеркалось. Мы пошли, и моя приятельница, которая со мной шла, говорит: «Посмотрите, за нами по пятам идет Маяковский с товарищем». Они буквально наступали нам на ноги сзади. И тогда Людмила обернулась и сказала: «Молодые люди, не можете ли вы идти немного подальше. Нечего нам на ноги наступать». Тогда Маяковский сказал ужасно серьезно, без шуток: «Я не за Вами иду. Я иду за той девушкой, которая идет с Вами. Я ее потерял и наконец нашел». Это про меня было.

*** Д. Д. Бурлюк — поэт и художник, друг В. Маяковского.

Дома я застала семью за ужином. Отец мой, который был в курсе всех художественных и литературных дел, стал расспрашивать, как и что было. Я в общих чертах рассказала и говорю: «Знаешь, папа, такой молодой гений выступил. О нем когда-нибудь весь мир услышит». И рассказала про эту речь. В этот момент — телефонный звонок. Подошел папа, что-то спросил, а потом говорит: «Иди к телефону, это тебя твой гений просит». Я подошла — это действительно был Маяковский. А на следующее утро он оказался у моего подъезда. При чем первым его увидел папа через занавеску и говорит: «Ну, по-моему, твой гений уже у подъезда стоит». Папа воспринимал все это юмористически.

И стал он за мной заходить вот так по утрам каждый день и провожать до трамвая. Приблизительно на пятую-шестую прогулку мы все-таки заговорили. И вот мы стали с ним разговаривать. Разговоры были очень серьезными: литературные и философские, на всякие темы. Это зима 1911—1912 года. Совершенно случай-

но мы набрали на такую мысль, что прекрасное место для разговоров — это колокольня Ивана Великого. На колокольню вход стоил копейку медную. Мы, значит, давали сторожу две медные копейки и поднимались на колокольню. Там были великолепные скамейки, и мы под снежок сидели и разговаривали. А потом мы подумали, что еще куда лучше, если подниматься на Ивана Великого с горячими пирогами. На Красной площади чудесные продавали жареные пироги: с мясом, с капустой, и с грибами, и с вареньем. И мы с ним покупали себе целый завтрак. Маяковский вырывал рисунки из своего альбома и заворачивал эти пироги, чтобы доверху донести их горячими. И вот на Иване Великом мы сидели в этой нише, ели горячие пироги и беседовали. Он мне очень много рассказывал о своем детстве, об отце. Очень отца любил. О том, как отец в грузинских лесах мечтал привить плодовые деревья, чтобы путник мог рвать плоды прямо с деревьев. Я ему рассказала про своих рыб золотых. Одним словом, у нас масса бы-

ла разговоров, особенно литературных и философских, потому что Маяковский очень философствовал любил.

И вот я вам расскажу случай: зашел как-то Маяковский за мной в школу Келина. Был очень приятный зимний день, хрустел снежок под ногами, и мы пешком по Тверской-Ямской шли в центр. И переходили мы площадь у Страстного монастыря. Маяковский вдруг остановился, как он так любил останавливаться на дороге, сделал широкий жест рукой и совершенно для меня неожиданно сказал: «А вот здесь когда-нибудь будет стоять мой памятник».

Я говорю: «Володя! Что ты, бредишь совсем?». Он говорит: «Нет. Здесь, вот здесь увидишь, будет стоять мой памятник». Тогда я ему говорю: «Володя, но ведь художникам памятники не ставят». Тогда он сказал: «Нет, мне памятник поставят как поэту».

— А ты разве пишешь стихи?

— Пишу.

— Почитай!

Он мне на это ответил: «Я их никому еще не читаю, потому что я не готов, но я буду когда-нибудь очень большим и известным поэтом, и мне будет стоять памятник». Потом он подождал минуту — мы стояли на площади — и сказал: «И памятник этот ты увидишь. Ты из далеких странствий вернешься в Москву и увидишь памятник, а меня уже в живых не будет». У Володи было какое-то необычайное пророческое чувство, особенно к себе. Он очень многое предвидел. И когда мы прощались с ним, когда я уезжала за границу, он мне тоже повторил: «В Москву ты, конечно, вернешься и в ней закончишь свою жизнь, но меня уже давно не будет...».

* Полностью с воспоминаниями Е. А. Ланг можно познакомиться в Музее В. В. Маяковского и в Отделе фотодокументов научной библиотеки МГУ.

** Похороны состоялись 24 ноября 1911 г.

Маяковский Е. А.

№ 08 93